

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности

English version: [Martsinkovskaya T.D. Modern psychology – challenges of transitivity](#)

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Раскрывается понятие «психологическая транзитивность», включающая неопределенность и трансформации времени и пространства. Показывается влияние смены веков, изменения образа мира и формирование нового технологического пространства на появление и развитие транзитивности. Доказывается адекватность сложного конструкта психологического хронотопа для изучения закономерностей и феноменологии современной психологии. Изменения в феноменологии проявляются во всех сферах психики, прежде всего, в соотношении образа и слова, нарастающей тенденции изменения структуры идентичности, сложностей в межпоколенной трансмиссии при передаче ценностей и правил поведения, увеличении влияния виртуального пространства и интернета на процесс личностного и социального развития человека. Эти трансформации доказывают назревшую потребность в методологии современной психологии, создании гибкой и легко трансформируемой сети категорий и исследовательских конструктов, которые могут изучать различные аспекты психики, изменяя их и изменяясь вместе с ними.

Ключевые слова: транзитивность, психологический хронотоп, образ мира, идентичность, межпоколенная трансмиссия, реальное и виртуальное пространство, интернет

Современная психология сталкивается со многими проблемами, которые обусловлены транзитивностью. Поэтому, прежде всего, представляется важным уточнить собственно психологическое содержание понятия «транзитивность», которое вбирает в себя как социальные трансформации, так и изменчивость социальных представлений и ценностей, и неопределенность норм и установок. При этом неопределенность во многом фундируется изменчивостью, так как связана с тем, что существует многоаспектность изменений, имеющая веерный характер. Сложность в определении психологических характеристик транзитивности связана с тем, что транзитивное общество по определению является междисциплинарным понятием, сущность которого, естественно, различается в разных науках – философии, культурологии, социологии, психологии.

Транзитивность

Вызовы транзитивности для психологии многоаспектны – это и проблема уходящего времени-пространства, и связанная с ней проблема «уходящей природы» в самом широком понимании этого термина. Людям всегда было сложно примириться с новыми временами и социальными трансформациями, однако никогда этот разрыв между новым и старым не был так глубок и никогда еще будущее не казалось таким неопределенным. При этом необходимо помнить, что транзитивность является не только социальной, внешней, но и психологической, духовной. Поэтому большой разрыв возникает между субъективными и объективными пространствами и временами, отношением и к ним, и к изменениям, в них происходящим.

Новая ситуация транзитивности характерна для всех поколений, хотя, конечно, наиболее значимой она становится для молодежи и подростков. При этом молодыми людьми, детьми транзитивность

осознается как естественная ситуация, в которой происходит процесс их взросления и вхождения в окружающий мир. Это осознание не отрицает рефлексию происходящих трансформаций, нестабильность и неопределенность ценностей, эталонов и норм. Но такая ситуация не вызывает у молодежи того эмоционального дискомфорта, с которым связана транзитивность для старшего поколения.

Ситуация транзитивности связана с несколькими причинами:

- сменой веков;
- изменением картины мира;
- появлением нового технологического и информационного пространства.

Смена веков. Рубежи веков, начиная еще с Нового времени, рефлексировались и учеными, и художниками как перелом. Распад связи времен проявляется не только в нарушенной целостности жизни отдельного человека, но, не менее важно, целостности общества, в котором изменились ценности и стереотипы, изменились даже этнические и географические образы родных мест. Именно это и делает время в восприятии людей «неестественным, вывихнутым», стимулирует ностальгию по стабильному прошлому и неприятие (иногда даже агрессивное отторжение) настоящего. Эта эмоциональная нестабильность зрелого поколения настолько глубока, что заражает и молодых, особенно тех, кто по разным причинам трудно адаптируется в ситуации постоянной неопределенности.

Изменение картины мира. Изменение картины мира проявляется, прежде всего, в новых представлениях о пространстве и времени, то есть возможностях человека попасть в разные точки земного шара и продолжительности (вечности) его жизненного пути. Скорость перемещения сделала безграничное пространство прошлого воспоминанием. С другой стороны, понимание того, что жизнь оканчивается сегодня и жить надо «здесь и сейчас», сделало время ограниченным, по сравнению с пониманием вечной жизни прошлого. Новые средства передвижения и общения, а также новые представления о жизни и смерти детерминируют существенные трансформации в этих представлениях. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур, что приводит для психологии к междисциплинарности в построении научных концепций.

Появление нового технологического и информационного пространства. В настоящее время можно констатировать цивилизационные, а не только социальные изменения, что связано с появлением не просто новой техники, но новой технологии, нового технологического пространства. Новые технологии стали неотъемлемой частью жизни современных людей, причем влияние становится все более масштабным и всеобъемлющим. Мы входим в другую эпоху, возможно, в новую цивилизационную эру, когда технологическое общество уже перешло в следующую стадию, на которой техника не является чем-то внешним для человека. Человек воспринимает машины уже не столько как механизмы, но как часть нашей среды, часто как продолжение наших психических способностей, а не только как орудия труда. Можно, видимо, говорить о том, что технические средства интериоризируются людьми, определяя специфику их восприятия мира, взаимодействия с предметами, общения с окружающими. Современные средства связи и передвижения трансформировали и сам пространственно-временной континуум, и наше представление о нем.

Психологический хронотоп. Поэтому конструкт хронотопа адекватен для исследования психологической сущности транзитивности. Представляется, что целесообразно говорить не об отдельном пространстве или времени (как не об отдельных парадигмах), но о целостном хронотопе как пространственно-временном континууме, которое включает в себя социальное и индивидуальное пространство-время. То есть психологический хронотоп включает в себя четыре измерения: личностное (субъективное) время; социальное (объективное) время; личностное (субъективное) пространство; социальное (объективное) пространство.

Основной характеристикой, отличающей психологический хронотоп от биологического [Ухтомский, 2008] или литературного [Бахтин, 1975], является то, что ведущей составляющей здесь становится отношение, переживание своего места в объективном пространстве и времени и отношение-переживание отдельных составляющих этого хронотопа в единицу времени жизни, на определенном этапе жизненного пути. Эта сложная конструкция в стабильные периоды относительно устойчива, и

для человека его время и пространство вписываются и корреспондируют с социальным – «его-социальным» временем и пространством. В транзитивном обществе по сравнению со стабильным существует большая гетерохронность между личностными и социальными составляющими хронотопа.

При этом объективное и субъективное время и пространство могут значительно не совпадать и даже с трудом связываться друг с другом. Более того, может происходить субъективный разрыв времени и пространства – то есть я в этом пространстве, но не в этом времени; я в этом времени, но не в этом пространстве; я и не в этом пространстве, и не в этом времени. Таким образом, гетерохронность может происходить по всем 4 изменениям хронотопа. Отделение-разделение времени от пространства не компенсирует эмоциональный дискомфорт – людям неуютно, неопределенно в этом пространстве и этом времени, они уходят в другое, что усиливает дискомфорт и разрыв времени-пространства. Когнитивный компонент этот разрыв между личностным и социальным пространством и временем не компенсирует, так как в этом случае в оценке ситуации ведущую роль начинают играть эмоции, а не разум. Поэтому часто даже когнитивно сложным людям трудно оценить все варианты возможного развития событий. Можно говорить о том, что когнитивная составляющая здесь даже усиливает гетерохронность, так как позволяет увидеть разные варианты развития социальной и личностной переменных и усиливает сложность и неопределенность оценки событий и себя в них. Если для исследования эта сложность есть положительный момент, то для оценки жизни и ее целостности, так же как для прогнозирования своего будущего, – отрицательный.

В целом можно говорить о том, что вызовы транзитивности коснулись всех сторон, всех сфер психики – когнитивных, мотивационных и эмоциональных, индивидуально-личностных.

Феноменология психологической транзитивности

Говоря об изменениях в познавательной сфере, важно подчеркнуть появление новых способов видения мира и передачи своих представлений, что приводит к новой феноменологии восприятия и мышления. Это было в первую очередь предугадано в искусстве, а немного позже зафиксировано учеными. Уже в конце прошлого века можно было наблюдать нарастающую тенденцию включения в драматическую пьесу элементов танца, света и музыки. Появились пьесы, целиком построенные на мимике, игре поз, движений рук, тела в целом. Сегодня все чаще в драматических и музыкальных спектаклях используют новые, визуальные способы воздействия. Изменяющийся, пульсирующий свет, телеэкраны, компьютерная графика с огромным эффектом применяются умелыми режиссерами, вызывая эмоциональный отклик у зрителей. Это показывает, что искусство драмы даже не отрефлексовало, но ощутило те изменения образа мира, при которых основную информацию несут зрительные гештальты. Ученые только недавно констатировали этот феномен, в то время как пьесы, в которых вербальный ряд играет второстепенную роль, появились более 20 лет назад, доказывая, что в хорошо сыгранном спектакле все понятно и без перевода.

Можно предположить, что художники в разных областях искусства пришли к ощущению того, что в новом времени-пространстве людям будет сложно идентифицироваться не только с устоявшимися причинно-следственными отношениями, но и с устоявшимися общими для всех нормами, стереотипами, даже ценностями. Поэтому произошел кардинальный переход от слова, сюжета, представления – к образу-переживанию. Возможно, глобализация вносит язык жестов и пластики в драму, темп жизни и новую эстетику движения – в балет, новые ритмы и тональности – в музыку, а новое понимание прекрасного – в жизнь.

Современные исследования когнитивного развития детей доказывают увеличение роли образа и схемы в структуре интеллекта. Анализ результатов всех методик, диагностирующих уровень интеллекта дошкольников, в том числе и их креативность, показывает, что общий уровень их познавательного развития в целом несколько вырос. Так, в 2014 году больше трети детей (37%) показали высокий уровень интеллектуального развития и 45% – средний уровень. В то же время в 2009 году высокий уровень был диагностирован у 31% детей, а средний – у 39%. Соответственно, существенно уменьшилось число детей с низким уровнем интеллекта (с 30% до 18%) [Марцинковская, 2015].

Существенные изменения можно отметить в характере восприятия, так как даже несистематические исследования показывают увеличение роли перцепции в общей структуре познания. Интересным представляется и противоречивый характер общего направления становления образа окружающего мира и предметов. С одной стороны, он становится все более обобщенным, уже к 3–4 годам дети начинают узнавать ведущие эталоны, при этом часто ориентировочные действия формируются почти сразу в образном плане. С другой стороны, сами образы становятся менее дифференцированными, при этом дети видят не отдельные стороны предмета, которые затем систематизируются и складываются в эталоны, но только наиболее важные элементы. Это помогает развитию операциональной стороны деятельности, но затрудняет становление общей картины окружающего. Эти данные показывают, что назрела необходимость комплексного и целенаправленного изучения как восприятия, так и общего интеллектуального развития детей дошкольного возраста.

Особенно актуальным такое исследование становится в связи с тем несомненным фактом, что виртуальные игровые и обучающие программы и информация, поступающая из интернета, начинают оказывать все большее влияние на все стороны психического развития детей уже начиная с раннего возраста. Возможно, именно с этим и связано то, что у многих детей постепенно ведущим становится образное (схематическое) мышление, а так как при построении образа мира визуальный и звуковой ряд превалируют, заменяя вербальный, то общий характер когнитивного развития и модальность образа мира также постепенно меняются – от вербального к образному. При этом степень обобщения и уровень интеллектуальных операций в целом не меняются, так как в Сети представлена не конкретная, но обобщенная информация, ее схема, что и дает возможность сохранить уровень обобщения и мышления на высоком уровне. Создается впечатление, что операции и формы мышления не определяют (или определяют в меньшей степени, чем в предыдущие годы) способ взаимодействия детей с миром и представления о нем.

Поэтому можно говорить о том, что многие виды современных игр и игрушек, в том компьютерных игр, являются развивающими, стимулирующими становление модельного, схематического мышления. Важным моментом этих игр при использовании детских планшетов является и формирование зрительно-моторной координации, способствующей не только интеллектуальному развитию, но и становлению готовности к школьному обучению. Таким образом, можно констатировать, что новые технологии начинают оказывать существенное влияние на психическое развитие не с подростково-юношеского возраста, как еще недавно казалось, но с дошкольного и даже раннего возрастов.

В последние десятилетия существенно изменилось не только представление людей о мире, но и о самих себе. При возрастании роли этнической идентичности падает значение социокультурной и возрастает значение личностной идентичности, которая начинает проявляться уже даже в старшем дошкольном возрасте. При этом в этнической идентичности все большее место начинает занимать национальная, а не культурная или лингвистическая составляющая.

Крайне значимыми являются результаты, показывающие, что даже по сравнению со студентами школьники намного больше привержены индивидуалистическому стандарту жизни, чем коллективизму. При этом небольшая разница в ответах старших и средних подростков показывает, во-первых, общую тенденцию становления индивидуального (индивидуалистического) стиля жизни, а во-вторых, соответствие этого стиля задачам развития, особенно в старшем подростковом возрасте.

При этом уменьшается доля гражданской и лингвистической идентичности, но существенно увеличивается ролевая, причем все возрастные группы респондентов, особенно, старшие подростки, рассматривают (и оценивают) себя именно с точки зрения соответствия / несоответствия предполагаемым социальным ролям в больших, а не малых (например, в семье) группах.

Необходимо отметить, что позитивное отношение к чужой культуре и иностранным (английскому) языкам у большинства подростков и юношей гармонично сочетается с позитивным восприятием своей культуры, но в структуре идентичности язык занимает небольшое место. Наиболее ярко выраженным является отношение к языку как способу расширения круга общения и реализации планов на будущее, при этом на первый план выходят как русский язык, так и иностранный (чаще английский) языки.

Важной особенностью является тот факт, что если пять лет назад в содержании идентичности

дошкольников преобладали объективные параметры, то к 2014 году большее значение начинают играть субъективные параметры, которые преобладают почти у трети детей 6–7 лет. Доминирование субъективных критериев у современных детей, по-видимому, связано с тем, что они больше выделяют личностные и индивидуальные особенности и хорошо соотносят их с собственным образом Я. Даже маленькие дети стали лучше осознавать себя, выделяя разные, причем субъективные, параметры при описании. Это говорит о том, что их представления о себе стали более дифференцированы и реалистичны. По-видимому, это связано с более широким и разнообразным кругом общения, в том числе и за счет расширения информационного пространства [Кончаловская, 2015].

Позитивное значение комплексного характера социокультурной идентичности для социализации детей, подростков и молодежи проявляется и в том, что такая идентичность повышает уверенность в будущем. Одновременно с увеличением числа компонентов, входящих в социокультурную и групповую идентичность, личностная (персональная) идентичность становится все более определенной и занимает все более значительное место в общей структуре идентичности детей и молодежи. Выраженное стремление к индивидуализации особенно характерно для более молодых респондентов. Таким образом, можно говорить о том, что смешанная идентичность является преимущественно позитивным моментом, увеличивающим толерантность к неопределенности и повышающим социализированность в мультикультурной среде [Марцинковская, Сиюченко, 2014].

Говоря о новых тенденциях в становлении идентичности, невозможно обойти вопрос множественности и потенциальности различных Я-структур [Белинская, 2005]. При этом подчеркивается специфика отечественного «кризиса идентичности» как связанного с фактическим отсутствием образа личного и социального будущего [Белинская, 2015].

Соотношение социального и личностного пространств как фактор психического развития

Территориальная идентичность и соотношение социального-личностного пространства продолжают оказывать большое влияние на все стороны психического развития, хотя характер этого влияния несколько изменился.

Особенно выпукло различия между молодежью мегаполисов (прежде всего Москвы) и небольших городов проявляются в содержании потребностей, идентичности и отношении к СМИ.

В иерархии потребностей молодежи из большого города доминируют карьера, самореализация, уважение окружающих, тогда как у их сверстников из малого города доминируют конформность, уважение к традициям, счастье. Существуют различия и в содержании идентичности у подростков и юношей, проживающих в больших и малых городах. Для молодежи из малого города приоритетными являются социальные роли, групповая принадлежность, уважение традиций, конформность, рефлексивность, в то время как для подростков и юношей из большого города важны индивидуальные и личные качества, собственная независимость и автономность.

Степень дифференцированности образа Я достаточно высока в обеих группах детей, подростков и молодежи, то есть для описания себя они используют большое количество характеристик. При этом даже у дошкольников, проживающих в мегаполисе, преобладают высказывания, направленные на себя, в то время как у детей из малого города доля таких высказываний намного меньше. Эта тенденция сохраняется и в старших возрастах. Эти данные могут свидетельствовать о более явной выраженной эгоцентрической направленности детей и молодежи из большого города и о недостатке интереса к партнерам по общению. Существуют и различия в представлениях всех респондентов о своем будущем. Ребята, проживающие в мегаполисе, в большей степени ориентированы на будущее и видят его более детально, в то время как дети и подростки из малого города менее оптимистичны, а их представления о своем будущем более расплывчаты. Интересно, что эта тенденция сохраняется и в более старшем возрасте.

Исследования социальных связей детей и подростков, начиная с середины 1990-х годов, показывают увеличение числа контактов с близкими взрослыми и рост их значения. Количество контактов со сверстниками, не убывая количественно, теряет свою значимость с точки зрения важности советов, помощи в трудной ситуации и т.д. Главным является тот факт, что роль сверстника в развитии

групповой идентичности, представлений о себе и о мире, о которой говорили ученые на протяжении длительного времени, существенно меняется. Возможно, в начале периода кардинальных социальных трансформаций усиление роли семьи было связано с неопределенностью, тревогами, которые делали семьи убежищем, сплачивая ее членов (в том числе и детей, и подростков) в ситуации трудностей, изменений.

Однако и в период стабилизации (с начала 2000-х годов), и в семьях, где отсутствуют эмоциональные связи между родителями и детьми, роль взрослого (знакового, педагога, кого-то из родственников) продолжает оставаться не менее важной, чем роль сверстника. Это говорит о том, что представления о важности контактов со сверстниками в формировании представления о мире в период трансформаций (конфигуративное общество) могут быть частично пересмотрены.

Изучение социальных оценок и переживаний детей и подростков, раскрывающих отношение к окружающим людям и обществу в целом, показало, что значительная часть (более трети) детей полностью положительно оценивают окружающий мир и взрослых. Эта цифра практически не изменилась за последние 10 лет. В то же время изменилась картина социальных представлений, оценок и переживаний той части детей, которые оценивают окружающее более дифференцированно.

Так, в конце 1990-х годов большая часть принимала нормы и правила, транслируемые взрослыми. В 2009 году даже у дошкольников выросла отрицательная оценка взрослых (11% негативно оценивают близких, и 19% – педагогов в дошкольных учреждениях). В то же время количество отрицательных оценок, данных сверстникам, почти не изменилось.

У младших школьников также возросло отрицательное отношение к педагогам (23%), нормы и правила отрицательно оценивали уже 39%, а в 4-м классе даже 47% учеников, в то же время процент детей, отрицательно оценивающих одноклассников, почти не изменился – 25%. [Феноменология современного детства, 2013].

У подростков существенно выросло отчуждение от школы, нормы и правила которой не принимают почти 60% подростков. Еще более тревожным является тот факт, что вырос процент подростков, отрицательно оценивающих и относящихся к миру вообще (16%). Отрицательная оценка педагогов почти не изменилась (51%), но увеличилось число отрицательного отношения к сверстникам (от 22% к 34%) и близким взрослым (от 19% к 23%). Тревожным моментом является и то, что сравнительные исследования показывают, что российские подростки считают, что их мир менее предсказуем, у них более низкий уровень оптимизма, чем у подростков из многих европейских стран (Финляндии, Венгрии, Франции, Чехии, Словакии).

Эти результаты свидетельствуют об общем недовольстве, испытываемом подростками при оценке своего места в мире взрослых, у них есть и желание что-то изменить, хотя понимание содержания этих изменений крайне расплывчато и неосознанно. Это также тревожный факт, так как такое мироощущение открывает путь для канализации неосознанной энергии подростков в деструктивном русле.

Серьезной проблемой является и несовпадение ожиданий педагогов и родителей в отношении поведения, увлечений и будущего подростков. Причиной такого несовпадения во многом являются различия в системе ценностных ориентаций педагогов и родителей, и, прежде всего, их отношения к образованию, ценности знаний, творческой деятельности. В большинстве своем педагоги (по крайней мере в опросах и анкетах) отмечают эти ценности как ведущие и оценивают детей и подростков, исходя из соответствия этим ценностям. В то же время для многих родителей ценность образования связывается не с познавательной активностью, но с поступлением в институт, успехом и карьерой.

Интересен и тот факт, что формирование этнической идентичности и поликультурной социализации в малых городах детерминируется, прежде всего, семьей, даже в моноэтнических пространствах. В то же время в больших городах и мегаполисах семья играет значительно меньшую роль в поликультурной социализации, за ней остается только роль транслятора некоторых семейных и национальных традиций и ценностей и, частично, языка, значимость которого для социальных контактов, как уже упоминалось, крайне невелика [Хузеева, 2013; Марцинковская, Чумичева, 2015].

Поэтому крайне важным с точки зрения и теории, и практики становится изучение межпоколенной трансмиссии как фактора, определяющего освоение и присвоение знаний, правил и ценностей социальной действительности. Особенно важным этот вопрос представляется в связи с тем, что известные варианты трансмиссии, описанные М.Мид, в настоящее время не полностью отражают специфику взаимодействия и обмена информацией представителей разных поколений.

Трансформации межпоколенных взаимодействий в настоящее время происходят и по вертикали, и по горизонтали, и по глубине, и по времени. Контакты становятся все более беглыми и поверхностными. Эти изменения уже более десяти лет назад отмечали в своих работах З.Бауман [Бауман, 2008] и М.Грановеттер [Granovetter, 1973], говоря о том, что наше время – это время «слабых связей» между людьми даже в одной семье. Проблема межпоколенных взаимодействий заключается и в неадекватности как жесткой, так и слишком мягкой трансляции. Процесс передачи опыта проходит сложными, зигзагообразными путями – не только вниз или вверх (постфигуративные и префигуративные) или по горизонтали (конфигуративные). Проблема в том, что в мегаполисах и на периферии (например, в малых городах и поселках) межпоколенная трансмиссия существенно отличается как по содержанию, так и по формам. Можно говорить о том, что в больших городах процессы обмена опытом, перехода от одной формы трансмиссии к другой существенно ускорены по сравнению с более традиционными малыми городами, особенно в этнически гомогенных областях.

СМИ и интернет как новое пространство развития

Исследования последних лет убедительно доказывают, что средства массовой информации становятся одним из ведущих институтов социализации [Белинская, 2013, 2002; Войскунский, 2010; Голубева, 2015; Марцинковская, 2010; Голубева, Марцинковская, 2011]. При этом за последние три года значительно выросла степень критичности подростков и молодежи по отношению к информации, получаемой из электронных СМИ, преимущественно телевизионной. Эта критичность распространяется на все виды информации – рекламы, развлечения, новости. При этом доверие к информации, получаемой из интернета, не уменьшилось.

Еще один момент, на который необходимо обратить внимание, связан с тем, что для большой группы подростков и молодежи интернет является не только средством развлечения, но и способом получения информации и даже обучения. Для подростков и младших школьников доля телевидения в информационном поле, так же как и печатных СМИ, становится ощутимо меньше, особенно по сравнению со взрослыми. При этом данный феномен уже коснулся даже дошкольников, которые активно начинают пользоваться планшетами в процессе обучения. И ученые, и родители, и воспитатели отмечают, что дошкольники легко осваивают сложную электронную технику, ориентируются в игровом компьютерном пространстве, в обучающих и развивающих программах. Это доказывает необходимость пристального изучения влияния всех видов информации, а также виртуальных способов общения, на психическое развитие современных людей.

Не менее актуальным является и исследование различий в отношении к интернету разных поколений, а также людей, проживающих в разных социальных пространствах. Полученные данные показывают, что взрослые значительно больше, чем подростки и молодежь, уделяют внимание телевизионным программам (и как источнику информации, и как фону), они также существенно больше доверяют телевизионной информации и рекламе, чем подростки. Для взрослой выборки наибольший интерес представляют вербальная и визуальная информация (фильмы, телепередачи, книги). Для подростков и молодежи все большее значение начинает приобретать музыка, которая становится и общим фоном жизни, и средством получения информации об окружающем мире [Голубева, 2015, Гребенникова, 2015].

Исследования Н.А.Голубевой показали, что выбор СМИ и сам информационный мир подростков одного и того же возраста существенно различается у подростков, живущих в разных странах. Личностное общение для подростков, переехавших в малый город Германии, является одной из доминирующих ценностей, в отличие от российских ребят, для которых оно является значимой, но не ведущей мотивацией и может осуществляться в виртуальном пространстве.

Многочисленные данные также показали, что малое поселение, независимо от страны, существенно

отстает в общем развитии информационного пространства, что выражается в меньшем разнообразии выборов и меньшей доступности предлагаемых информационных полей по сравнению с мегаполисами и сказывается на информационных предпочтениях и, соответственно, содержании информационной социализации подростков. Обращает на себя внимание тот факт, что степень доверия к получаемой информации у подростков из небольших поселений значительно выше, чем в мегаполисе.

Огромное значение для понимания психологических особенностей интернет-коммуникации и психологических характеристик интернет-пользователей имеют работы Е.П.Белинской, которая, в частности, подчеркивает, что эмпирические данные о личностных особенностях активных пользователей интернета крайне противоречивы [Белинская, 2013]. Крайне значимым представляется и тот факт, что отсутствует согласованность между эмпирическими данными и оценками самих пользователей о соотношении деловых, познавательных-информационных и коммуникативных мотивах использования интернета. Если исследователи отдают пальму первенства информации, то пользователи – коммуникации.

Важными представляются и данные о разнице между этическим поведением в Сети и этическим поведением в Реальности [Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2014], а также тот факт, что при интернет-коммуникации актуализируется стремление не только к самопрезентации, но и к осознанию уникальности личностной идентичности и боязнь нарушения личностного пространства. Это согласуется и с материалами Н.В.Гришиной [Гришина, 2011], подчеркивающей важность экзистенциальной идентичности, которая дает возможность преодоления внешней неопределенности и нестабильности.

Возможно, что активное использование интернета для коммуникации и получения информации приводит к некоторой переоценке реальности, точнее, к появлению нового взгляда на окружающий мир. Представляется, что здесь имеет место указанный еще В.Б.Шкловским феномен «остранения», или, говоря словами А.Г.Габричевского, нового понимания «языка вещей», изменяющего непосредственную знаковую природу окружающих предметов и людей. Однако это отдельный предмет исследования и анализа, выходящий за рамки данной статьи.

Имеющиеся на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о том, что актуальность дальнейшего исследования проблемы информационной социализации связана с большими возможностями расположенных в этом поле институтов и групп социализационного воздействия. Не менее важно и то, что многие виды информации способны влиять не только на выбор стиля жизни детей, подростков и молодежи, но и на их представления о себе и мире.

Трансформации, происходящие в психологии транзитивности, доказывают назревшую потребность в методологии современной психологии, создании гибкой и легко трансформируемой сети категорий и исследовательских конструктов, которые могут изучать различные аспекты психики, изменяя их и изменяясь вместе с ними. Таким образом, можно утверждать, что современные парадигмы отличаются проницаемыми границами и возможностью переструктурирования, то есть это не замкнутый эталон определенной школы, но открытая форма, что также соответствует идеологии открытого общества.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 13-06-00272 «Социальное и информационное пространство: взаимосвязь и взаимозависимость».

Литература

Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

Белинская Е.П. Человек в информационном мире. Социальная психология в современном мире. М.:

Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.

Белинская Е.П. Человек в изменяющемся мире – социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. Психологические исследования, 2013, 6(30), <http://psystudy.ru>

Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.

Войскунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Этическая направленность подростков и молодежи в социальных сетях. Психологические исследования, 2014, 7(37), 2. <http://psystudy.ru>

Голубева Н.А. Особенности информационных предпочтений современных дошкольников. Мир психологии, 2015, No. 1, 153–163.

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход. Психологические исследования, 2011, 6(20), 2. <http://psystudy.ru>

Гребенникова О.В. Трансформация социальных представлений в межпоколенном взаимодействии. Психология обучения, 2015, No. 3, 4–15.

Гришина Н.В. Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов. Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12, 2011, No. 4, 109–116.

Кончаловская М.М. Особенности идентичности детей дошкольного возраста. Мир психологии, 2015, No. 1, 77–85.

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков. Мир психологии, 2010, No. 3, 90–102.

Марцинковская Т.Д. (Сост.). Феноменология современного детства: сборник научных трудов. М.: ФИРО, 2013.

Марцинковская Т.Д., Сиюченко А.С. Идентичность как фактор социализации в мультикультурной среде. Вопросы психологии, 2014, No. 6, 3–14.

Марцинковская Т.Д. Психическое развитие современного дошкольника – константы и трансформации. Мир психологии, 2015, No. 1, 42–53.

Ухтомский А.А. Лицо другого человека. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Хузеева Г.Р. Характер информационного пространства и особенности социализации современных подростков. Психология обучения, 2013, No. 4, 88–98.

Granovetter M.S. The strength of weak ties. American Journal of Psychology, 1973, 78(6), 1360–1380.

Поступила в редакцию 8 июня 2015 г. Дата публикации: 24 августа 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии подростка, «Психологический институт РАО», ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; заведующая лабораторией психологии личности, факультет психологии,

Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005, Москва, Россия.
E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html>

[К началу страницы >>](#)